

ПОЭЗИЯ

СЕРГЕЙ ДОНБАЙ

Отодвинулись дали,
Пододвинулись бездны.
Где вы, девочки Гали?
Где вы, мальчики Гены?

Раскрутилась пружина,
Панцирь-сетка ослабла.

Ну, какой ты мужчина!
Ну, какая ты баба!

Если рада не рада,
Не сиди, не горюй.
Ну, какая тут правда?
Вот и я говорю.

ОНИ

Заняв в парламентах палаты,
В иммунитеты совесть пряча,
Они уходят в депутаты,
Как в партию когда-то раньше.

А мы друзьями их считали.
За это и несем вину.
Они и в партию вступали,
Как в полицаи шли в войну.

ОН

Время сходилось в нем,
Радугою играя:
То большевистским огнем,
То киноварным раем.

Русская не-душа
С болью в нем прорастала

В виде выкидыша
В качестве капитала.

Грудь на себе не рвал.
Щеголеват, как на праздник,
Он в оцепленье стоял
«Утром стрелецкой казни».

У АСТАФЬЕВА

Перейти Россию вдоль –
Наша удаль да юдоль.

Ну какая же Расея
Без Сибири с Енисеем!

Эхом в слове Енисей –
То Есенин, то Сергей.

Ну а что Россия в принципе –
Без Сибири, без провинции?

Это только география –
Без Овсянки и Астафьева.

Там напарились мы в бане,

Остудились в речке Мане,

Говорили с классиком,
Закусив карасиком.

Ну какая же Расея
От поллитры окосеет!..

Там стоит с тех пор в Овсянке
Свет-церквушка россиянка.

Сам я гладил бревнышко,
Как родное ребрышко.

Эхом в имени Сибирь
Отзывается – Собор.

ВЛЮБЛЕННОСТЬ

*Стыдливое молчанье,
Где вся душа слышна.*
В. Жуковский

И нежность сдержанная есть,
И тайна в том, что не знакомы,
И так друг к другу мы влекомы,
Но вслух имен не произнести...

Вот шаг замедлила душа
От радости врасплох сначала –
Так наша встреча хороша! –
Но «здравствуйте»
не прозвучало...

Назвать любовью не готов,
Скорей скажу: «Меж нас
влюбленность», –
Она похожа на бездомность,
Когда у чувства нету слов.

В нас долгий холодок проник,
Когда у чувства нету жеста,
И я пожизненно жених,
И Вы бессрочная невеста.

Литературоведы и литературоведки
Сидят с поэтом на одной и той же ветке.
Поэт как свистнет офигенно!
И они зачирикают: мифологема,
мифологема.
Поэт устанет и клюет на ветке носом.
И они чирикают: судьбоносно,
судьбоносно.

Небосвод облаками намок.
Птицы ходят у талой воды.
Мокрый голубь вспорхнул
из-под ног,
На асфальте оставил следы.

Весь в хрустальных сосульках
балкон,
Как небесный орган, нависал,
И тяжелым безмолвием он
Над судьбою прохожих играл!..

Воздух яркий и сильный такой –
Только что, как в начале листа,
В нем написано чьей-то рукой,
Не просохло название куста:

Облепиха, шиповник, сирень?
Из-под снега оттаяли вновь
Все потери: и радостный день,
И скамейка, и мяч, и любовь!

И вернулся из детства секрет:
Лишь посмотришь, зажмурившись,
вверх –
Ало плавится солнечный свет
Через кровь, через кожицу век.

Так входи же, весны вещество,
Здравствуй в нас и работой
в крови!
Отличаю тебя от всего –
Не могу отличить от любви!

Писать
 Стихотворение в прозе –
 Целовать
 Железо на морозе –
 Испытал
 На собственной шкуре –
 Прилипают губы к арматуре.

ШУТКИ ПРОГРЕССА

Защищаются жены товарищей, Все становится наоборот: Муж теперь наравне с генеральшей По семейному чину идет.	Если так и пойдет по-ученому, Мужики не нужны им почти... И стоим мы в обнимку с товарищем, Хоть качаемся, все же стоим, Потрясенные намертво им! Оскорбленные этим позорищем, Перетерпим прогресса припадки, Не до шуточек будет опять: Захотят «поглупеть» кандидатки И детей, как прабабки, рожать!..
Раньше были милашки, красоти – Им такое теперь недосуг... Как мундир, надевают колготки По утрам кандидатки наук! И толкают прогресс... Шутки в сторону! Юбки в сторону – новый почин!	

ОСЕНЬ

Расчетливо бил сучковатый кулак, Никто увернуться не смог. И бросился ели зеленый синяк В рябиновый кровоподтек! И воздух наполнился астмой машин И красными астрами щек! Так зримо на всем проступала мишень, Догадка и полунамек.	толщю морщин – Набег завершающий скиф. Вокруг обнимались печаль и азарт, Прилив озирался в отлив. Так, слушая музыку, точно назвать Не можешь знакомый мотив. Бросался в глаза самодельный базар Рублевым снежком хризантем! И кто-то, в супругу влюбленный, брюзжал На несовершенство систем.
Автобус домой с урожаем тасил Авоськи крестьян городских, Являлся в их лицах сквозь	

РАДОСТЬ

Работает в квартире тишина –
 Читает сын рассказы Шукшина.

ПРОВИНЦИАЛ, ЕЗЖАЙ В МОСКВУ!

Провинциал, езжай в Москву!
Но только ненадолго.
Чтоб не истратились в мозгу
Черты родного дома.

Тебя, как новое ведро
В колодец население, —
Опустят с грохотом в метро:
Ну, черпай впечатленья!

В Кремле царей воображай
И разные эпохи,
Царь-пушку в мыслях заряжай,
Сработала б неплохо!

Небось простит тебя сама
За каламбур угрюмый,
Что можно «выйти из ума»
До выхода из ГУМа.

Провинциал, езжай в Москву!
Туда тебя не звали —
Поспи на мраморном полу
На Киевском вокзале.

Зато воскреснешь ты душой
И станешь чище, лучше,
Когда увидишь наш Большой —
Гордись — театр снаружи.

Цени, тебе же, дураку,
Даровано бесплатно
Налюбоваться на Москву
И на детей Арбата.

Езжай, никто тебя не съест!
Там всем хватает места.
Приезд отметишь и отъезд —
Окупится поездка.

СЛУЧАЙ НА ПЬЕДЕСТАЛЕ

Однажды модного поэта
На пьедестал он посадил
Тем, что пародию родил.
И сам залез туда за это...

Потом пародии рожал
На пьедестале круглый год.
И стал работать пьедестал,
Как непрерывный эшафот.

ХРОМЫЕ СРАВНЕНИЯ

Островок — частица суши,
Окруженная водой.
А любовь — частица дружбы,
Окруженная враждой.

Но хромает, как известно,
Всякое сравнение.
Совершенство неуместно
До поры до времени.

Даже если обезножишь,
Ходишь, хоть не повезло,
В небесах хромать не сможешь,
Даже на одно крыло.

Островок — частица суши,
Что дошла до аскетизма.
Берегите ваши души
В окруженьи атеизма.

ЛЕСНОЕ ЛЕТО

За лето на даче
Мы так одичали:
По солнцу ложились,
По птицам вставали.

И ноздри дразнило
Зеленым озоном
Сосновое утро
В окне растворенном!

И, словно лукошко,
Был с горкой наполнен
Отборной клубникой
Березовый полдень.

И чуть горьковатый
Рябиновый вечер,

Намаявшись за день,
Клевал на крылечке.

И сны собирала
Кедровая полночь;
Спешила тропинка
Кому-то на помощь,

Смеялись веснушки,
Носы облезали,
И в речку с разбега
Обрывы ныряли...

А тот, кто все лето
Дружил с гамаком,
Как будто был пойман
Лесным пауком!

ДЕВОЧКА В ВАЙМАРЕ

Вале

Поспешно бросив вещи
в «Элефанте»

И все стараясь вечер обогнать,
Мы бросились с тобой,
как будто фантик

Тридцатилетней давности искать.

Приметы детства выросли нескоро:
Ты — девочка, а папа — командир...
Весы у почты, лавочка фарфора
И за вокзалом на углу —
«Пломбир»...

И девочка сквозь слезы
проступала

В тебе, как незаметных
два крыла.

И нас с тобой она оберегала,
И незнакомой улицей вела,

Где мотоцикл
на бреющем полете
По Ваймару уснувшему летал,
И воздух возле памятника Гете
И Шиллеру от ужаса дрожал.